

БИБЛЕИЗМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Е. Г. Озерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ozerova@bsu.edu.ru*

Национально-культурная архитектоника библеизмов в дискурсе русской лирической прозы обусловлена тем, что их функционирование предопределяется народной философией жизнесмыслов, которая порождает особый стиль художественного мышления. Библеизмы рассматриваются как важнейшее средство репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность всего дискурса лирической прозы.

Ключевые слова: библеизмы, лирикопрозаический текст, этнокультурное сознание.

Введение

Активное использование библеизмов в русских лирикопрозаических текстах не просто интертекстуальный и стилистический приём, расширяющий образное и смысловое содержание художественно-литературного дискурса. Слова и выражения библейского происхождения служат важнейшим средством репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность всего дискурса лирической прозы. Это объясняется тем, что язык Библии в целом, как отмечает В. М. Мокиенко в предисловии Толкового словаря библейских выражений и слов, – это своеобразный духовный код [1, с. 8]. Библеизм – языковой знак, характеризующийся рядом отличительных признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики) [1, с. 9]. Особенности функционирования библеизмов в различных типах дискурсов исследовали С. Л. Андреева, Е. Н. Бетехтина, В. Г. Гак, К. Н. Дубровина, Г. А. Лилич, Г. А. Макарова, В. М. Мокиенко, С. Оноприенко, О. И. Трофимкина и др. Однако их роль в формировании ценностно-смыслового пространства русской лирической прозы всё ещё остаётся на периферии лингвистического поиска. Национально-культурная специфика библеизмов в дискурсе русской лирической прозы обуславливается тем, что их функционирование предопределяется специфической народной философией жизнесмыслов, которая служит своего рода камертоном православного мировосприятия, порождающим особый стиль художественного мышления. В художественном тексте как феномене культуры библеизмы репрезентируют обобщённый способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, характерную для определённой эпохи, семантическую матрицу, предопределяющую смысловые реакции культурных субъектов.

Основная часть

Взаимодействие языка и культуры в лирической прозе наиболее ярко отражается в текстообразующей функции библейских концептов «Святость» и «Святой», которые В. Н. Топоров называет центральными знаками-символами русской культуры. Конструктивная значимость этих знаков-символов для формирования концептосферы лирической прозы во многом обуславливается архитипичностью их первичного десигната, сущность которого раскрывается главным образом с помощью этимологического анализа слов, репрезентирующих эти концепты. «Без учёта «архаического» слоя

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ (код проекта № 241).

в слове *svet-* проблема семантической реконструкции, т.е. выявление внутренней формы слова и, следовательно, определение его семантической мотивировки («принципа называния»), конечно, не может быть решена» [2, с. 433].

Особенностью отражения национального характера в русском лирикопрозаическом тексте является наложение православного **этноязыкового сознания** на **лирическое сознание** автора: *А и вправду... с солнышка крестики играют словно! Речка кажется мне святой. И кругом все – святое* (Шмелев, «Богомолье»), в результате чего лирические прозаические тексты «перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *артефакты* – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества [3, с. 150 – 151].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля **святой** – духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; всё, что относится к Боже-ству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную.

День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека (Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями).

Боже, владычествуешь и небесными, и земными, – носимый херувимски на престоле, Господь серафимов и Царь Израилев, Единый Свят и во святых почитающийся, то молю Тебя, Единого Благаго, воззри на меня, грешного и непотребного раба Твоего, очисти мою душу и сердце от совести лукавья и удовли меня, облеченного благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать Святой Твоей Трапезе и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь! (Гоголь, «Размышления о Божественной Литургии»).

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли (Гоголь, «Мёртвые души»).

Трудно бывает проникнуть во святая святых человека! (Гоголь, «Войтельница»).

В Толковом словаре библейских выражений и слов В. М. Мокиенко находим:

Святая святых. Книжн. высок. О чём-л. самом важном, заветном, оберегаемом от непосвящённых, от посягательств.

Выражение из Ветхого Завета, где оно обозначает центральную часть иерусалимского храма, куда мог входить только первосвященник.

2 Пар. 3,1,8: И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме, на горе Мориа, <...> и сделал Святое святых: длина его по широте дома, в двадцать локтей, и покрыл его лучшим золотом, на шестьсот талантов [1, с. 420].

Библеизмы в дискурсе русской лирической прозы представляют особую реалию отражения действительности, так как человек, по утверждению А.Р. Лурия, имеет двойной мир: мир непосредственно отражаемых предметов и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые отражаются словами [4, с. 37].

С этим убеждением я вошел в мир, с ним уйду из него и, уходя, буду непоколебимо верить, что когда-то мир признает: Святая святых – человек! (Горький, «В людях»).

Трудно бывает проникнуть во святая святых человека! (Лесков, «Войтельница»).

Они благословенны, эти чувства! Они – святая святых нашего несовершенного мира! (Паустовский, «Золотая роза»).

Святость, подчёркивает В.В. Колесов, эмоциональна и чувствительна, обнажённо непосредственна: *чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то ... при взгляде на реликвию одной святой* (Бунин «Грамматика любви»). В основе славянской святости лежит идея служения идеалу вплоть до отречения от личного, это вхождение в тайну, состояние души. «Святость у русских – религиозное чувство поклонения тому, что даёт избавление, спасает и защищает – подчас незаметно обыденное служение осуществлённой **идее**, т.е. не личная, как на Западе, а соборная святость, которую чтят» [5, с. 149 – 150].

Библеизмы «Святой» и «Святость» в лирической прозе расширяют своё когнитивное поле, что явствует из контекстуального анализа, свидетельствующего о смысловых приращениях соответствующих слов и коннотативном пространстве их семантической структуры. В результате таких метаморфоз слова, репрезентирующие концепты «Святой» и «Святость», приобретают символические смыслы. Становясь народными символами, они насыщаются новыми смыслами, связанными с ментализацией в процессе усвоения христианской культуры. Однако ментализация и смысловые приращения слова относятся к разным аспектам речемыслительной деятельности человека. Ментализация, отмечает В. В. Колесов, осуществляется в слове, а сгущение смыслового содержания концепта «Святость» – в деле. Проследим, как ментализация осуществляется в лексемах с внутренней формой 'свят'.

Основа *свят-* в лирической прозе является не только знаковым средством ценностно-смыслового восприятия действительности, но и эксплицирует в этноязыковой картине мира типичный образ русского человека. Основа *свят-* является достаточно частотным элементом православного сознания как высшей ипостаси русской духовности. В то же время она представляет образ реального мира, так как «...этноязыковая картина мира не только опредмечивает (при помощи семиотических систем не обязательно собственно языковой природы) когнитивное сознание, но и переводит его в «автоматический режим», то есть на уровень подсознания. Это достигается [...] в процессе объективирования концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка.

«Русская святость – символ совести, это путь к свету (Семён Франк); «внутренний путь духа в душевном труде совести» (Владимир Соловьёв); каждому «мало быть честным, мало быть добрым, нужно быть чистым, нужно быть святым» (Николай Страхов). Сама по себе святость не может стать внутренней энергией личности, поскольку святость – это знак совести, которая и есть такая энергия; «гении творили, но недостаточно были – святые были, но недостаточно творили», – заметил Бердяев.

В Святых Воротах, с Угодниками, заходим в монастырскую лавку, купить из святостей (Шмелев, «Богомолье»).

В Толковом словаре библейских выражений и слов В.М. Мокиенко находим: Святость. *Книжн. высок.* Свойство по значению прилагательного **святой**.

Ср. 1 Фес. 4. 7: Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Еф. 4,24: И облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины [1, с. 421].

Русская святость – народное рождение народного духа и окормление личной души. Это свобода в духе, которая выше свободы тела. Этот «идеал веками питал народную жизнь, – писал Георгий Федотов. – У их огня вся Русь зажигала свои лампадки».

Ангели поют на не-бе-си-и... Таинственный свет, святой. В зале лампадка только (Шмелев, «Лето Господне»).

«Воскресение Твое Христе Спасе... Ангели поют на небеси...» И я хожу с ним. На Душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать. Смотрю на него, как становится он на стул, к иконе, и почему-то приходит в мысли: неужели и он умрет!.. Он ставит рядком лампадки на жестяном подносе и зажигает, напевая священное. Их очень много, и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят – не шелохнутся. И только одна, из детской, – розовая, с белыми глазками, – сит-

цевая будто. Ну, до чего красиво! Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это **свя-тая** иллюминация, Боженькина (Шмелев, «Лето Господне»).

Вот погоди, косатик, придет **Святая**, мы с тобой в Кремль поедem, покажу тебе все **святыньки...** и Гвоздь Господень, и все соборы наши издревни, и Царя-Колокола покажу, и потрезвоним, поликуем тогда с тобой... (Шмелев, «Лето Господне»).

Деминутивная мотивема **святыньки** показывает, насколько прочно мотиватор свят закреплен в этноязыковом сознании. Под этноязыковым сознанием мы понимаем ценностные когнитивно-эмотивные кластеры, национальная маркированность которых обеспечивает их воспроизводимость.

В. М. Мокиенко в «Толковом словаре библейских выражений и слов» отмечает: **Святыня. Книжн. высок.** То же, что **святость**.

В этом значении слово употребляется в Библии. Ср. Пс. 29,5: Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его [1, с. 421].

Как показывает анализ лирикопрозаических текстов, в русской святости можно найти ключ, объясняющий многое в явлениях и современной русской культуры. Социально значимая активность лингвокультурологических единиц, подчёркивает, обусловливается прежде всего их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов. «Система порождаемых смыслов является содержательной основой языкового сознания. Реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отражённую модель мира» [3, с. 151-152].

Еще больше полюбил благолепную тишину, тихий говор и **святые** на стенах **лики** (Шмелев, «Неупиваемая чаша»).

Мерцает позолота и серебро, проглядывают **святые лики**, пылают пучки свечей (Шмелев, «Богомолье»).

Смысл слова свят связан с обозначением мощи в сиянии, которое «разрастается изнутри под напором духовной силы личности» [5, с. 150], поэтому **святой лик** в этнокультурном пространстве лирической прозы – это не только источник святости, но и языковая экспликация духовной жизни народа.

У меня горячо на сердце: над всеми прошла Она, и все мы теперь – под Нею. ... **Пресвятая Богородице...** спаси на-ас! .. Пылают пучки свечей, густо клубится ладан, звенят кадила, дрожит синеватый воздух, и чудится мне в блистаньи, что Она начинает возноситься (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Для лирикопрозаических текстов И.С. Шмелёва характерным является наполнение символизмом звука, при помощи которого гласная протягивается, «символизм звука застаёт готовым не только звук, но и слово с его внутреннею формой», если «хотят выразить высокую степень качества» [6, с. 98]. Звук в словах имитирует церковные песнопения и помогает воспроизвести в памяти ценностно-смысловое наполнение лирической прозы. Ср.:

О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами... И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в **разду-мьи** голос – Ангели поют на **не-бе-си-и...**

Поют народом – **Пресвятая Богородице.** спаси на-ас. Горкин руками водит, чтобы складнее пели (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Меня заливают и радостью, и грустью, хочется мне чудесного, и утреннее поёт во мне – ... **Пресвятая Богородице...** спаси на-ас! (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»). Православная архитектура повествования сконцентрирована 1) на воспоминаниях о духовном бытии, которые характеризуются антонимичным совмещением лексем в пределах рассматриваемого контекста (**Меня заливают и радостью, и грустью**), 2) на чувственном вербально-невербальном восприятии звуков (**И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в разду-мьи голос – Ангели поют на не-бе-си-и...**) и жестов (**Горкин руками водит** (дирижирует – Е.О.), чтобы

складнее пели), 3) на композиции лирикопрозаического контекста, в контаминированной форме представляющего оппозицию:

- Свет – *О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами;*
- Пение – *... утреннее поёт во мне – ... Пресвятая Богородице... спаси на-ас!*

В пространстве лирикопрозаического текста актуализирующие лексемы *свет, звук и песнопения* имплицитно символизируют икону. Символ в лирикопрозаическом тексте эксплицирует не только ту информацию, которая заключена в тексте, но и позволяет актуализировать имплицитные составляющие, связанные с этим символом. Являясь важным механизмом памяти культуры, отмечает Ю.М. Лотман, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного её пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизма единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты [7, с. 241].

Богородица голубков в церковь носила, по Её так и повелось.

И всего у нас запасено будет, ухитимся потепле, а над нами Владычица, Покровом своим укроет... под Её покровом и живём.

Под самую карету катится белая «дорожка». ... Пресвятая Богородице... спаси на-ас...

Матушка... Царица Небесная... Иверская Заступница (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Всё звал простым детским языком Богородицу: «Благодетельница, матушка, голубушка, заступись за меня!» (Н.С. Лесков, «Темняк»).

Характерным для лирикопрозаического текста является деминутивное употребление *Матушка* вместо *Матерь*. В словаре синонимов В.Н. Тришина (2009) кодифицировано 12 эквивалентов, что свидетельствует о ценностно-культурном значении этого фразеологизма для русского человека: *Богоматерь, Богородительница, Богородица, Божья Матерь, Владычица, Дева Мария, Матерь, Пресвятая Дева, Пречистая Богородица, Пречистая Дева, Приснодева, Царица Небесная*. Также в лирикопрозаическом тексте Н.С. Лескова находим номинацию, не зафиксированную в словаре синонимов, – *Благодетельница*, это позволяет заключить, что фразеологическое значение формируется субъектом лирикопрозаического текста (Ср. в стихотворении «Молитва» М.Ю. Лермонтов Пресвятую Богородицу называет *Тёплой заступницей мира холодного*).

В лирикопрозаическом тексте символический характер библеизмов является центром лирического повествования. Символ, отмечает Ю.М. Лотман, и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, то есть обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчётливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста [7, с. 240 – 241]. В дискурсе лирикопрозаического текста символ и в плане выражения, и в плане содержания выступает как синергетическое свойство, которое имплицитно расширяет семиотическое пространство контекста. Ср.: *и все воспоют... и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход – «Царю Небесный...» а потом – «Богородице Дево, радуйся...»! И все-то хоругви, и Святые, и Праздники, в золоте-серебре, в цветочках... все преклонятся перед Пречистой...* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»). Помимо использования интертекстуальных музыкальных фрагментов, которые также способствуют приращению смыслов, лирикопрозаический контекст выходит за пределы воспринимаемого смыслового содержания номинации в историко-культурную ситуацию: *Святые, Праздники, Пречистая*. Украшение иконы *в золоте-серебре, в цветочках...* также имеет имплицитный духовный смысл: выражение христианской любви; присутствие рая на земле, символом которого являются цветы.

Народная культура, по мнению В. В. Колесова, ценит в слове образ, христианская – символ, наложение символа на образ славянского слова в лирикопрозаическом тексте позволяет вычлени в тексте необходимые смыслы (см.: [5, с. 44]. Языковой образ библеизма *Пресвятая Богородица* накладывается на чувственно-предметный образ, которые при взаимодействии, «соприкоснувшись с другими образами дискурса, тут же сливаются в единую целостную и модально окрашенную картину, требующую ассоциативно-вербального воплощения в лаконичном сочетании ключевых для данного дискурса слов-концептов, которые активизируют создание номинаций вторичного семиозиса, «в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты духовной культуры), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [8, с. 235].

Лингвостилистический анализ библеизмов в художественном тексте направлен на разграничение собственно смыслового содержания языковых единиц и тех эмоционально-окрашенных, экспрессивно-оценочных значений, которые на них наслаиваются, и позволяет рассматривать библеизмы с точки зрения их коммуникативных свойств и коммуникативно-прагматической значимости в целостно-смысловом содержании всего лирикопрозаического текста. Именно в интерпретации и соединении таких понятий, как коммуникативная стилистика и когнитивная лингвопоэтика возможно постичь образно-смысловые истоки идейно-эстетического замысла автора, раскрыть когнитивно-прагматический подтекст произведения, его имплицитное содержание. Специфику этнокультуры определяет структурированная совокупность основных духовных ценностей, традиций и обычаев, закодированных в художественных текстах.

Библеизмы, таким образом, являясь стилистическим маркером лирикопрозаического текста, не только отражают систему ценностей, сформированную православными истоками славянской духовности, но и формируют особое русское языковое сознание на всех его уровнях языка: семантическом, словообразовательном, когнитивно-коннотативном и лингвокультурном. Ценностно-смысловое своеобразие библеизмов в текстах лирической прозы определяется нравственными приоритетами и лирико-эстетическими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия, репрезентацией языковой личности писателя. Данная триада эксплицирует особенности взаимодействия в лирикопрозаическом тексте лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации прозаических жизнесмыслов. Эготоп является центральной креативной константой всей архитектоники дискурса лирикопрозаического текста с постоянно обновляемой динамикой ценностно-смысловых представлений автора, отражающихся в синергетическом пространстве реальных и воображаемых событий. Кроме субстанциальной роли, такого рода события составляют ещё и содержательную основу культурной памяти лирической прозы, в которой переживаемое прошлое переплетено с личностным восприятием действительности. Центральным понятием эготопа является авторское Я, эксплицирующее культурную память [9, с. 329] художественной речи – всё то, из чего формируется интенциональный посыл читателю. Объект и субъект эготопа являются интегративным синтезом интертекстуальных интенций автора, благодаря которым библеизмы в лирикопрозаических текстах способны гармонически фокусировать в себе разнообразные философские, ценностно-смысловые, духовно-нравственные смыслы, порождаемые процессом познания и преломлённые через призму авторского Я.

Список литературы

1. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.
2. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. Т. 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.

3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
5. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.
6. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. Озерова Е. Г. Ментальное пространство русского лирикопрозаического текста / Е. Г. Озерова // Когнитивные исследования языка – 2014. – №18. – С. 329 – 332.

BIBLICAL EXPRESSION AS STYLISTIC MARKERS OF LYRIC PROSAIC TEXT

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Ozerova@bsu.edu.ru*

National cultural specificity of biblical expressions in the discourse of lyric prose is conditioned by the national purport of life philosophy which serves as a camertone of orthodox mentality and creates a particular style of artistic thinking. Biblical expressions are seen important means of the spiritual concepts which project cognitive pragmatic essence of the whole discourse of lyric prose.

Keywords: biblical expression, lyric prosaic texts, ethnocultural consciousness.